

Дарья Биньярди

*Любовь надо
заслужить*

DARIA BIGNARDI

*L'amore che
ti meriti*

ДАРЬЯ БИНЬЯРДИ

*Любовь надо
заслужить*

роман

Перевод с итальянского

Ирины Боченковой

издательство **АСТ**

Москва

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4ИТА)-44
Б62

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Биньярди, Дарья.

Б62 Любовь надо заслужить: роман / ДАРЬЯ БИНЬЯРДИ; пер. с ит. И. БОЧЕНКОВОЙ. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2016. — 352 с.

ISBN 978-5-17-092803-3

Дарья Биньярди — писатель, журналист и сценарист, звезда ток-шоу и колумнист журнала *Vanity Fair*. Ее дебютный роман *Non vi lascerò orfani* (2009) (“Я не оставлю вас сиротами”) сразу стал бестселлером и разошелся тиражом 150 000 экземпляров; ее книги переводят и издают во Франции и Турции, Сербии и Албании, Аргентине и Бразилии.

“Любовь надо заслужить” (2014) — четвертый роман писательницы. Действие его происходит в 70-е годы прошлого века, в Ферраре, родном городе Биньярди, — красивейшем, окутанном туманами и атмосферой таинственности. Главная героиня, Антония — молодая женщина, успешный автор детективных романов, — пытается раскрыть секрет бесследного исчезновения юного Майо, ее родственника, пропавшего тридцать лет назад. В сюжетной канве романа переплетается множество человеческих судеб, счастливых и не очень, запутанных семейных тайн и любовных историй. Однако Антонии удастся распутать этот клубок и узнать правду об ушедшем в небытие юноше.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4ИТА)-44

ISBN 978-5-17-092803-3

- © 2014 Arnoldo Mondadori Editore S.p.A., Milano
 - © И. Боченкова, перевод на русский язык, 2016
 - © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2016
 - © ООО “Издательство АСТ”, 2016
- Издательство CORPUS ®

*Посвящается Северино.
И Тони.*

Существование зла всегда основано на преступной нехватке любви по отношению к носителю зла. Из этого вытекает принцип солидарной ответственности всех моральных существ.

МАКС ШЕЛЕР

Альма

Ааль-маа-Маа-йоо, Ааль-маа-Маа-йоо.

Теперь, когда я рассказала Тони о том, что произошло тридцать лет назад, мне снится мама, я слышу ее низкий голос, который зовет нас, мелодично выделяя повторение “ма”. Альмамайо — это звуки из моей прежней жизни, счастливой.

Я увидела его, произнесла по слогам “Ма-йо”, он всегда был Майо; когда в газетах появилось его настоящее имя, немногие поняли, что тот Марко — мой брат.

Июньский вечер наполнен липовым ароматом.

Майо везет меня на велосипедной раме, крутит педали, почти задевая старые городские стены, нагретые солнцем; я провожу рукой по его губам, а он пытается укунить мои пальцы. И чем больше я хохочу, тем больше он притворяется, что вот-вот упадет, — он просто дразнит меня.

Мы поехали вдвоем на его велосипеде, потому что у моего спустилось колесо. Майо держит руль одной рукой, в другой у него сигарета с дрянной марихуаной, выращенной у дамбы на реке По.

В тот вечер мы посмотрели фильм Антониони и по дороге домой без конца повторяли сцену, в которой герои едут в машине: она спрашивает у него, от чего он убегает. Он отвечает: *“Повернись спиной к тому, что впереди”*.

В ожидании ужина, пока в духовке греется пицца, я курю на балконе, наблюдая за снующими ласточками. Майо выходит из душа в синем халате отца, высовывается в окно — глаза зажмурены, с волос капает, подбородок вверх — и кричит, раскрыв объятия: “От чего ты бежишь, Альма?”

Если фильм нам нравился, мы потом долго повторяли кстати и некстати полюбившиеся фразы.

На булыжной мостовой велосипедная рама врезается мне в задницу, а Майо специально едет по всем выбоинам, чтобы меня позлить.

— Ха-ха-ха, мои новые джинсы как подуха-ааа, — напеваю я.

— Толстуха, толстуха, будет сейчас тебе подуха, — в тон отвечает он мне.

Майо с меня ростом и очень худой. Еще три года назад мы менялись с ним одеждой, потом у меня выросла грудь и раздались бедра. Отец был рад, что я наконец-то созрела: моя гормональная задержка вызывала у него серьезные опасения.

Он всегда в мельчайших подробностях предрекал разные беды, болезни, финансовые кризисы, провалы и поражения, вплоть до бытовых неурядиц: рестораны закрыты, билеты проданы, парковки заняты. Можно сказать, жил в ожидании неизбежной катастрофы. Предусмотрел все возможные несчастья, страдания и боль, кроме той, которая нас раздавила.

Родители уехали в деревню, а мы остались ждать табель успеваемости, хоть результаты и так были известны: я переведена в следующий класс, Майо получил переэкзаменовку.

Отец не рассердился, он боялся лишь серьезных бед. Мама только пожала плечами: она сразу сказала, что мой лицей — не для Майо. Это я настояла.

Майо был веселый, покладистый, ленивый. Не то что я.

В деревне, перед поездкой в Бухарест, мы собирались позаниматься. Но август, как всегда, хотели провести на море.

Мы наслаждались свободой, вечерами без родителей, радовались началу каникул. Всё было прекрасно.

На привычном месте встреч, у мраморного грифона на площади, нашли только Бенетти. В воскресенье кое-кто из наших уехал на море и еще не вернулся. Вот-вот должна была приехать Микела, прожаренная солнцем, блестящая от крема,

ЛЮБОВЬ НАДО ЗАСЛУЖИТЬ

и мы пошли бы пить пиво к Маго. Закат в тот вечер тянулся бесконечно.

Мне было семнадцать, тогда я не понимала, как мы счастливы.

АНТОНИЯ

Переворачиваюсь на спину. Левый бок — спина — правый бок, последние два месяца только так и сплю. Живот круглый, как мяч, я поправилась на пять кило. В самый раз, — говорит мой гинеколог. Маловато, — считает Лео.

Лео спит на животе, счастливчик, рука свешивается с постели. Снова переворачиваюсь на бок и пристально смотрю на Лео, вдруг он проснется: в понедельник я уезжаю, а он еще ничего не знает, нужно срочно поговорить с ним. Тихонько дую ему на щеку.

— Ммм... Ты чего?

— Привет, доброе утро.

— Доброе... который час? — бормочет спронтанно.

— Девять пробило.

— Так рано! Будь умницей, Тони, — причитает, отворачиваясь и натягивая на голову простыню.

Отсыпается он только в субботу, потому что в воскресенье всегда что-то случается: ночные субботние ограбления, приезжие футбольные фанаты, даже убийства происходят чаще на рассвете воскресенья. В другие дни он встает в семь, намного раньше меня.

— Мне нужно с тобой поговорить.

Медленно, как черепаха из панциря, он вытягивает голову из-под простыни. Поднимает одно веко. Глаз, совершенно ясный, уставился на меня.

— Что-то случилось?

— В понедельник я еду в Феррару на несколько дней.

— В Феррару? Зачем? — теперь открыты оба глаза. Щурится, как от яркого света, и пристально смотрит на меня снизу вверх. Нависаю над его подушкой, опершись на локоть, волосы щекочут ему нос, а он не шевелится, замер, как кот, внезапно ослепленный светом фар — шерсть дыбом, уши прижаты.

— Я должна расследовать кое-что семейное.

Лео медленно поднимается и садится, прислонившись спиной к изголовью кровати. Глаза распахнуты, смотрит на меня с недоумением.

— Что ты должна сделать?

— Я же тебе сказала.

— На шестом месяце беременности?

Он привык к моим выездам по работе. Небольшое издательство в Болонье опубликовало три моих детективных романа, и время от времени я

собираю материал для своих книг прямо на месте преступления. Так мы и познакомились. Но теперь, ожидая Аду, я всегда сижу дома.

— Вот именно, пока могу, надо съездить.

— Куда ты собралась?

— Никак не проснешься? В Феррару, родной город моей матери. Это совсем рядом.

— Тогда почему бы тебе не ночевать дома?

От Болоньи до Феррары меньше часа на поезде, но для меня это как расстояние до Луны.

Когда я была маленькой, мы ездили туда на кладбище, последний раз лет двадцать назад.

Почему-то мама никогда не рассказывала мне о Ферраре, о своей семье. Я знала только, что все умерли. Я думала, что ей больно вспоминать, и в какой-то момент перестала расспрашивать. Но три дня назад...

— Мне нужно время, будет лучше, если я поживу там.

Теперь он окончательно проснулся. Сбрасывает ноги с кровати, говорит:

— Я сейчас, ты мне все объяснишь.

Пока он в туалете, я раздергиваю занавески и открываю ставни. Наша спальня выходит на балкон, в ней всегда много света. Начало марта, еще холодно, растения в горшках околели. Натягиваю свитер на ночную сорочку и чувствую, как шевелится Ада. Гинеколог сказала вчера, что малышка размером с большой банан. “Как огромный банан”, — именно так и сказала.